

Часть первая

Глава 1

Солнце в зените, и жарит оно, и парит, тридцать градусов тепла — погода согласно прогнозу, синоптики не ошиблись. Но лето уже на исходе, осень рядом, казалось, махнула она невидимой рукой, и, расталкивая пласты теплого воздуха, к реке спустился прохладный ветерок, по воде пробежала рябь. По воде плыла белоснежная яхта, большая и красивая, а хозяином яхты был Глеб Варшавин.

Еще на прошлой неделе Родион Фомин радовался, когда снял дом у самой реки. Две комнаты, вода в колонке, удобства на улице, зато места лучше не найти, сидишь за столом под навесом из винограда, смотришь на реку, и душа отдыхает. А потом появился Варшавин — на своей яхте, и ведь не прогонишь его, нет у Родиона такого права. У Варшавина отпуск, и он может проводить его где угодно, хоть отправиться в кругосветное плавание. Из Дона выйти в Азовское, затем в Черное и Средиземное моря, а дальше океаны, яхта Варшавина большой волны не боится. Но ему океаны

без Леры не нужны, вот если она вдруг согласится отправиться с ним, ну, например, в круиз по Средиземноморью, завтра его здесь уже не будет. И Леры тоже.

Но Лера с ним не хочет: ей лучше в саманном домике с Родионом, чем с Варшавиным на его яхте за два-три миллиона евро. Варшавин мог подарить ей целый мир, а она выбрала Родиона, поставив свою подпись в книге учета браков. Варшавин пытался уничтожить Фомина, для начала разрушил его карьеру, отправил его участковым в донскую станицу, после в ход пошло сфабрикованное дело, а затем и киллеры. Родиона собирались убить, однако в лужу сел сам Варшавин. Но с него как с гуся вода. Родион заключил с ним перемирие, а с Лерой — брак, она вышла за него замуж и переехала на Дон. Только вот Варшавин отступить от нее не собирается. И его яхта наглядное тому подтверждение.

Лера твердо решила работать по специальности, с первых же дней жизни на Дону устроилась в районную больницу — врачом в приемном отделении. Сегодня ночью она дежурила, утром должна была смениться, но уже обед, а ее все нет. Родион и сам сменился совсем недавно. Участковых как бы не положено привлекать к суточным дежурствам, но дефицит кадров не только в больницах, но и в отделах МВД. Попросили его отработать смену в

следственно-оперативной группе, он отказываться не стал. И ночью даже повидался с женой. Соседи повздорили, один другого пырнул ножом, рана не серьезная, но потерпевшего забрала «Скорая помощь», следователь куда-то подевался, и Родион сам отправился в больницу. Дело пустяковое, но всю ночь пришлось провозиться, в общем, скучать не пришлось.

Сегодня Фомину полагался отгул, но некогда отдыхать. И в участке нужно побывать, и занятия по рукопашному бою отменять нельзя, ребята к вечеру подойдут, не хотелось бы их разочаровывать. А после занятий домой, из Пшеничной до Верховерской всего восемь километров, от опорного пункта до съемной квартиры — десять. Не так уж и много, каждый день на обед можно приезжать. И работа, надо сказать, несложная, если сравнивать с Москвой, там Родион руководил отделом в оперативно-разыскной части. В столице темп работы бешеный, а здесь он уже стал привыкать к размеренно-спокойному течению жизни. Под одной крышей с любимой девушкой, которая стала наконец-то его женой. Все хорошо, одно плохо — Варшавин. Он ведь не просто так здесь, на измор берет, ну нравится ему издеваться над Родионом. И Леру все надеется вернуть.

Лера не могла сдать Варшавину на милость, это исключено, но в то же время нет ее дома, где она?

В кармане завибрировал телефон, Родион глянул на дисплей. Принимая вызов, он посмотрел на яхту: вдруг Лера звонит ему с борта этой пиратской посудыны?

— Родик, ты уже дома? — с чувством вины спросила Лера.

— Обед разогреваю. Тебя жду.

— Может, лучше ты ко мне?

— Не понял. — Фомин снова глянул на яхту. Вдруг Лера в лапах Варшавина и ей требуется помощь?

— Полицейского к нам привезли, с черепно-мозговой травмой.

Родион и понимал, что Лера не может быть с Варшавиным, но все равно выдохнул с чувством облегчения. И спрашивать ничего не стал, просто сел в машину и отправился в путь. До больницы всего ничего, пешком пять минут спокойным темпом — неспроста они с женой искали дом именно в этих кварталах, поближе к работе.

«Полицейским» оказался печально известный Слава Стенькин, еще один соперник Родиона в делах сердечных, во всяком случае, молва о том ходила. Только вот Лера здесь совершенно ни при чем. Из-за Майи сыр-бор случился. Только вот на Родиона зря наговаривают. Майя, может, и хотела от него чего-то, но ему нужна была только Лера, не мог он ей изменить. Да и не пытался.

Слава сидел на кушетке, тупо глядя на Леру, а если точнее, куда-то сквозь нее. Казалось, он совершенно не реагировал на внешние раздражители. Голова перебинтована, крови на повязке нет. И на операционный стол его, похоже, класть пока не собирались.

— Закрытая травма? — спросил Родион, глядя Стенькину в глаза.

— Закрытая, — кивнула Лера. — Удар тупым твердым предметом в теменную часть черепа. Переломов нет, но похоже на ушиб головного мозга.

— Насколько тупым, насколько твердым?

— Не знаю. Но даже кожа не повреждена, — пожала плечами Лера. — Шишка только большая и, возможно, внутренняя гематома мозга... Возможно, нужна операция.

— А специалисты?

— В Ростов нужно везти. Я уже поставила руководство в известность, — вздохнула Лера.

Красивая она. Необыкновенная глубина в глазах, бездонная, глянешь — и пропал. Не зря Варшавин с ума по ней сходит, все успокоиться не может. И Стенькин мог в нее влюбиться. Но сейчас он смотрел на Леру, не замечая ее. И майор Фомин для него не существует.

— Слава, ау! — Родион повел рукой перед глазами Стенькина. — Ты меня видишь?

Слава смотрел куда-то сквозь него, но тем не менее кивнул. Да, он видел Родиона.

— Ты меня помнишь?

Слава отрицательно качнул головой.

— Налицо все признаки амнезии, — сказала Лера и зачем-то провела пальцами по голове Стенькина, проверила, как держится повязка на ней.

Она ведь терапевтом в московской поликлинике работала, а сейчас на ней все: и хирургия, и травматология. Опыта маловато, поэтому она волнуется, переживает.

— Отшиб головного мозга, говоришь? — усмехнулся Родион.

— Ушиб... Ну да, отшиб, — невесело, одним только краешком губ, улыбнулась Лера.

— Бумерангом память отшибло?

Лера удивленно посмотрела на мужа:

— Почему бумерангом? Его сзади ударило...

Родион улыбнулся. Она рассуждала правильно: если бумеранг, то подразумевается удар в лоб. Но Родион говорил о бумеранге в переносном смысле.

И трех месяцев не прошло, как он появился в Пшеничном, и столько всего за это время успело произойти. Стенькин ухлестывал за Майей, она же собиралась замуж за Гуляева, но увлеклась Родионом. Замуж Майя все-таки вышла, но Стенькин продолжал бегать за ней. И Родиону станичная молва приписывала такие же страдания, поэтому, когда пропал Гуляев, под подозрение попали они оба. Кто-то из них мог ударить Семена топором по голове. Ударить, убить и похоронить. Но Семена

ударили по голове обычной палкой, и нашелся он довольно-таки быстро. Однако версию с топором Родион отработывал на полном серьезе. О том он сейчас и вспомнил. Тем более что Семен получил удар тоже по теменной части головы. Правда, память ему не отшибло.

— Помнишь, как Семен топором на тебя заманивался? — спросил Родион.

— Какой Семен? — Стенькин попытался сфокусировать на полицейском взгляд. Он и хотел вспомнить Гуляева, но не мог.

— А Майю помнишь?

— Майю? — нахмурился Слава.

— А себя помнишь?

Выглядел Стенькин так, как будто его по кустам всю ночь таскали, причем пиная при этом. В кровь не избивали, ни синяков на лице, ни ссадин, если не считать небольшую царапину под ухом. Но и лицо у него перепачканное, и одежда. Форма на нем — белая рубашка без погон, синие брюки с красным кантом, и мятая форма, и грязная, как будто Славу в пыль втоптывали. Может, в траве где-то валялся, на пыльной земле.

— Откуда у тебя форма?

— Какая форма? — не понял Слава.

— Полицейская. — Голос у Леры звучал куда мягче и нежнее, чем у Родиона.

— Полицейская? — удивился Слава.

Казалось, он хотел глянуть на свои руки и ноги, но не мог оторвать взгляд от Леры. Сейчас он смотрел на нее осмысленно.

Родион качнул головой. А ведь форма на нем не полицейская. Брюки синего цвета, кант красного — форма явно сотрудников Следственного комитета. Именно эту структуру и представлял Варшавин. Тридцать два года ему, а он уже полковник юстиции. Что вовсе не удивительно. Давно уже замечено: чем выше сановник, чем ближе он к власти, тем талантливее у него дети. А отец у Глеба Варшавина персона высочайшего ранга, у него и власть, и деньги. Очень большие деньги.

— Откуда у тебя форма? — повторил вопрос Родион.

— Я не знаю.

— Не помнишь?

— Нет.

— А с какого момента помнишь?.. Как в больницу привезли, помнишь?

— Да, — кивнул Слава.

Парень он рослый, крепкий, но и Варшавин такой же комплекции. Только вот нравом Слава покруче, драка для него милое дело, а Варшавин подобных инцидентов старается избегать. И каштаны из огня для него таскают другие. Но в то же время слабохарактерным Варшавина не назовешь, упертости его можно позавидовать.

— Еще что помнишь?

— Помню, как под кустом валялся, — пожал плечами Стенькин.

— Ночью, днем?

— И ночью было... И днем... Ночью вырубил, а днем очнулся, под кустом...

— Когда днем? Где?

— Не знаю когда. И куда идти, не знаю. Сиж, понять ничего не могу, кто я такой, что здесь делаю.

— Где китель?

— Китель?.. А-а, китель!.. Что такое китель, знаю, а кто я сам такой...

— Стенькин Вячеслав Павлович из станицы Пшеничной.

— А вы сами кто будете?

— Участковый, майор Фомин.

— У майора одна звезда, да? — Стенькин ткнул себя пальцем в плечо, туда, где должен находиться погон.

— Одна.

— А у меня три было, — сказал Слава, с надеждой глянув на Леру. Вдруг она признает в нем полковника, вдруг восхитится им. Но Лера уже занималась своими делами, предоставив парня Родиону. Только посматривала за Славой иногда — как за своим пациентом.

— Ты не полковник, — разочаровал Славу Фомин.

Форму полковника Следственного комитета Стенькин мог раздобыть в этих местах у одного только человека — Варшавина. Возможно, украл у него или одолжил.

— Да я тоже думаю...

— Кто такой Варшавин, ты знаешь? — спросил Родион.

Лера кивнула, глянув на него. Ну, конечно, если полковник, то Варшавин, как она сразу не догадалась?.. А о том, что Варшавин снова раскинул сети, она уже знала, Родион ей говорил.

Якорь яхты Варшавин бросил неподалеку от хутора у железнодорожного моста. На хуторе всего три дома, зато причал длинный и, главное, у берега глубоко, именно то, что нужно. Варшавин еще место под стоянку искал, а Родион уже знал о его появлении. И под наблюдение взял.

Варшавин не спешил наводить мосты к Лере. Бросил якорь, снял дом на хуторе, из Москвы ему пригнали машину, вчера его видели в станице, вроде как с Майей разговаривал, заигрывал с ней. Может, на нее глаз положил, но, скорее всего, это какой-то хитрый ход с его стороны. И у мужчин в ходу такой прием, и у женщин — заигрывать с одним, чтобы заинтриговать другого.

— Не знаю.

— А Майя Туманова кто?

Лера задержала взгляд на Родионе. Майя бежала за Фоминым как влюбленная дура, и, конечно

же, Варшавин знал об этом. И Леру просветил, без всякого зазрения совести, приврав об ответных чувствах со стороны Родиона. Лера ему не поверила — и правильно сделала, но осадок в душе остался.

— Не помню, — пожал плечами Стенькин.

— Сейчас она Гуляева. Замуж за Семена Гуляева вышла, знаешь такого?

— Да нет.

— А то, что ты в Майю влюблен, помнишь? Она уже замужем была, а ты к ней все клеился. Игнат с топором на тебя бросался? Помнишь?

— Семен? Гуляев? — задумчиво сказал Стенькин.

— Вспомнил?

— Нет... Плохо мне что-то, голова кружится.

Слава заваливался на бок медленно, Лера успела подложить ему под голову подушку.

— Где ты под кустом очнулся?

— На повороте, — пробормотал Слава, закрывая глаза.

— На каком повороте?

— А два дома там, один из красного кирпича, другой из белого. И поля, поля...

Родион кивнул, озадаченно глядя на Стенькина. От райцентра в сторону железнодорожного моста тянулась хорошая, асфальтированная дорога. В Пшеничную с нее сворачивали две дороги, одна гладкая, асфальтная, пересекающая центр стани-

цы, другая грунтовая, в колдобинах. Грунтовая дорога проходила рядом с домом Тумановых и вдоль реки тянулась до самой станицы. На перекрестке шоссе и этой грунтовки стояли два дома, один из белого кирпича, другой из красного. А с шоссе, проехав еще пять-шесть километров, можно было свернуть и на хутор у железнодорожного моста. Возможно, там, на хуторе, Стенькина и стукнули. Родион даже догадывался, кто мог это сделать.

Лера нервничала. Стенькин терял сознание, возможно, это признак предсмертного состояния, а помочь она ему не могла. Рану обработать, снимок рентгеновский сделать, капельницу поставить, таблетку дать, это пожалуйста, но мало. Возможно, Стенькина могла спасти только срочная операция. А в районной больнице нейрохирурга нет, больного нужно везти в область. А может, и в Москву.

— Я знаю, что делать, — в раздумье проговорил Родион.

А ведь он мог организовать Стенькину вертолет до самой Москвы и даже консилиум лучших нейрохирургов собрать. Скорее всего, овчинка не стоила выделки, но тем не менее он отправился в путь.

Яхта Варшавина прошла мимо Верховерской совсем недавно, возможно, судно встало на якорь напротив дома Туманова, красуясь перед Майей. Но, как оказалось, яхта пошла дальше, к своей стоянке у железнодорожного моста.

Родион уже подъехал к причалу, а яхта еще маячила вдалеке. У причала стучал молотком жилистый мужичок, от сильного загара похожий на сушеную мумию. Он сноровисто снимал старые доски и сразу же настил взамен новые.

Мужчина и без того торопился, но, увидев яхту, застучал молотком еще быстрее.

— Не помешаю? — спросил Родион.

— Помешаешь, — глянув на яхту, мотнул головой мужчина.

— Под яхту причал обновляешь?

— Тебе какое дело?

— Участковый уполномоченный майор Фомин.

— И что? — Загорелый остановился, быстро глянул на Родиона.

— Звонок был: под причалом бомба. Срочная эвакуация.

— Да мне тут совсем немного осталось!

— Ну так работай.

— А бомба?

— Может, и нет никакой бомбы. Но будешь плохо себя вести — эвакуирую. Право имею.

— А-а! — Жилистый отложил в сторону молоток, взялся за гвоздодер.

— Под яхту причал готовишь?

Родион повернул голову к ближайшему дому, возле которого под навесом стоял GLE Варшавина. Машина на месте, на выезде — яхта.

— Да.

- А дом под машину кто сдает?
- Я сдаю.
- Твой дом?
- Мой.
- Варшавин только машину у тебя держит или у него в доме еще и вещи?
- Варшавин?
- Хозяин яхты.
- Насчет вещей не знаю... — Мужичок поднатужился, сорвал доску и с досады крикнул.

Трухлявая доска лопнула вдоль, гвозди остались в балке, вытаскивай их теперь.

- А машину да, ставит. И Леон там его живет.
- Это кто?
- Леонид, его помощник...
- А этого знаешь?

Славу Стенькина Родион сфотографировал еще в начале лета. К дому Туманова, было дело, подкрадывались темные люди из Москвы, хозяин подумал, что это Славка, спустил на него собаку. Бертю нашли утром с отрубленной головой, Туманов нашел Стенькина, избил его, вынудив Родиона вмешаться. Тогда Слава в кадр и попал. А сейчас Фомин вывел на экран своего смартфона его снимок.

Мужчина смотрел на Стенькина, одновременно выдергивая гвоздь из балки.

- Ну видел.
- Когда?

— Вчера.
— Здесь?
— Да, здесь... Ходил тут, все высматривал.
— Что все?
— Ну, на яхту смотрел... Хозяин с помощником своим уехал, а яхта осталась.
— И Стенькин остался? — Родион стукнул пальцем по дисплею.
— Да нет, он появился после того, как они уехали... А потом исчез.
— Как это исчез?
— Меня Антонина окликнула, я обернулся, а потом смотрю, нет никого. Как сквозь землю провалился.
— Может, на яхту поднялся?
— Не знаю... На яхте сигнализация, — пожал плечами мужчина. — Глеб Станиславович предупредал.
— Глеб Станиславович? — усмехнулся Родион.
Хорошо, что Варшавин господином себя не ставлял величать.
— Да, сигнализация на яхте, и завоет, если что, и охрана прилетит на вертолете!
— Понятно, — усмехнулся Родион.
Насчет летающей охраны Варшавин, скорее всего, загибал, а сигнализация вряд ли выдумка. Тем более что про сигнализацию Слава не знал. Забрался на яхту, проник в каюту, там Варшавин его и прищучил.

— А Варшавин, хозяин яхты, когда вернулся?

— В это же время и вернулся, когда Стенькин этот ваш исчез.

Яхта подходила к причалу, постепенно сбавляя ход. Большая машина, моторная, двухпалубная, метров двадцать длины. За штурвалом в закрытой рубке помощник — широкоплечий мордастый парень. Родион видел этого типа, но справки о нем не наводил. Понял, что он и капитан яхты, и телохранитель ее хозяина в одном лице.

Леон повернул яхту носом к берегу, выровнял судно и плавно пристал к причалу. Жилистый помог ему пришвартоваться, Варшавин же появился только после того, как телохранитель опустил трап.

— Фомин, — с небрежностью повелителя мира поморщился Варшавин. — Завтра приходи, я по пятницам не подаю.

Фомин улыбнулся ему — как зритель, перед которым появился долгожданный клоун.

— Кто — я? Полковник Варшавин?

— Что, страшно стало? Вдруг я уже генерал, да?

Варшавин выглядел бодро, свежо. Высокий, статный, породистый. К тому же чертовски богатый. Такой мужчина просто обречен на успех у женщин. Но что-то не ладилось у него. Или с Майей все-таки наметился успех? Не зря же Слава крутился у его яхты.

— И где твой генеральский мундир?

— Будет. Обязательно будет. Ты в этом даже не сомневайся.

Останавливаясь, Варшавин вяло махнул рукой. Так уж и быть, уделит он Родиону немного внимания. Мимоходом. Но это всего лишь спектакль. Варшавину даже идти некуда. В саманный дом на две-три комнатки? Вряд ли. На яхте у него как минимум одна просторная каюта — фешенебельная, со всеми удобствами. И машина ему сейчас не нужна. Хотя кто его знает. Может, к Майе намылился. Или даже к Лере.

— А где полковничий мундир?

— Могу одолжить майорский... Или тебе лучше в капитанском? — съязвил Варшавин.

— Мне лучше с человеком, который дорожит честью своего мундира. Где твоя форма, Варшавин?

— Что это с тобой, майор? Голову напекло?

— Голову напекло Стенькину. Он сейчас в больнице, с черепно-мозговой травмой. Знаешь такого?

— Стенькина?

Родион нехотя достал из кармана смартфон, снова вывел на экран изображение Стенькина:

— Узнаешь?

— Видел, — не сводя глаз с портрета, кивнул Варшавин.

— Где?

— Это допрос?

— Стенькина доставили в больницу в твоей форме.

— В моей форме?!

— Ты брал с собой на яхту свой мундир?

— Брал...

— Где он?

— Ну где, на месте... Ты это серьезно?

— Я хочу посмотреть на твою форму.

Варшавин кивнул, не мигая глядя на Родиона, повернул к яхте, поднялся по трапу. Родион за ним, но Леня-Леон перегородил ему дорогу:

— Стоять!

Парень смотрел на Фомина грозно, но в его взгляде не чувствовалось желаниа посмеяться, поглумиться над участковым. Да и в любом случае Родион не должен был связываться с охраной. Варшавину морду набить — это он с удовольствием сделал бы, а его телохранитель ему не интересен, во всяком случае пока.

Варшавин появился минут через пять, нахмуренный, озадаченный.

— Нет формы! — глядя на Родиона, качнул он головой.

— Но была?

— Была. Я на всякий случай с собой взял.

— Стенькина вчера видели возле твоей яхты. Возможно, он поднялся на борт.

— Быть этого не может.

— Поднялся на борт, а тут вы с Леоном появились, парень спрятался.

— На яхте?

— На яхте, — кивнул Родион. — А вы его нашли, ударили по голове и вывезли на дорогу.

— Леон, ты кого-нибудь на яхте находил? — спросил Варшавин, внимательно глядя на своего помощника.

А вдруг Леня действительно ударил Стенькина без его ведома?

— Нет.

— Кого-нибудь бил?

— Да не было никого на яхте.

— А спрятаться на яхте можно? — спросил Родион.

— Слона спрятать можно, — свысока глянул на Фомина Варшавин.

— А со Стенькиным ты где познакомился?

— Познакомился... Так, погоди, он в моей форме был?

— Китель ты с него снял, — кивнул Родион.

— Какой китель? Не снимал я ничего!.. Стенькин так сказал?

— Не помнит он ничего, память потерял. Амнезия у парня. Только ты не радуйся, это пройдет.

— А я радуюсь?.. Ты видишь, что я радуюсь?

— Я вижу, что тебя не в те степи занесло. Спокойно здесь без тебя, а как ты появляешься, так и начинается...

- Я Стенькина твоего и пальцем не тронул.
- Откуда ты его знаешь?
- Откуда я его знаю... Ну, виделись, — замялся Варшавин.
- Где виделись? Когда?
- К Майе мы подплыли...
- Подплыли? — усмехнулся Родион.
- Подошли, — поправил начальника Леон.
- Майя на пристани стояла, там, у своего дома. Ну я спросил... А я должен тебе рассказывать? — вдруг скривился Варшавин.
- Должен. — Родион смотрел в глаза Глеба пристально, с чувством непоколебимой уверенности в своих силах.
- Стенькин этот в больнице?
- С черепно-мозговой травмой. И в твоей форме.
- Мы с Майей разговорились, а тут этот Стенькин. Она увидела его, закричала — на него, на меня. И ушла. А Стенькин матом на меня выругался.
- И ты затаил обиду?
- Да я больше его и не видел.
- Когда это было?
- Позавчера.
- А вчера ты снова с Майей говорил?
- Ну да, встретил случайно в станице.
- Случайно? И здесь ты случайно? — Родион кивком указал на яхту.
- А это не твое собачье!

— Значит, и пальцем Стенькина не тронул?

— Нет.

— Я тебе не верю.

— Да мне все равно.

— А надо, чтобы я поверил. Надо Стенькину память вернуть. Отправь его в Москву, пусть профессора ему память вернут... Или боишься?

— Да не трогал я твоего Стенькина!

— Пусть он сам это скажет.

— Я и сам могу память вернуть, — глянув на яхту, с усмешкой сказал Варшавин.

— Перемотать назад? — правильно понял Глеба Родион.

Действительно, яхта была оборудована и сигнализацией, и системой видеонаблюдения. Сигнализацию, возможно, забыли включить, но камера должна работать независимо от нее.

Варшавин смерил Родиона нарочито-небрежным взглядом, как будто решал, можно ему подняться на борт или нет. Наконец, разрешая, кивнул:

— Можно перемотать запись даже при тебе.

И снаружи яхта казалась большой, и внутри просторная. На первой палубе вместительная кают-компания, за ней спальня с широкой кроватью. Лестница вела в нижние каюты, и там наверняка все в цветах красного дерева. Роскошь просто потрясающая. И все это могло принадлежать Лере. А она выбрала маленький саманный домик и рабо-

ту в затхлой районной больнице. Но ведь все могло измениться в любой момент. Лера еще могла вернуться к нему лицом.

Варшавин плеснул себе в хрустальный бокал немного виски, Родиону даже не предложил. Сам вывел на экран изображение с видеокамер. И действительно, Стенькин попал в кадр. Вчера в шестнадцать десять поднялся на борт яхты и пропал в ее недрах. Минут через пятнадцать после этого появились Варшавин и Леон. Один остался на яхте, другой спустился по трапу. Потом тишина. Стенькин появился в двадцать пятнадцать, было уже темно, но у пристани горел фонарь, да и прожектора с яхты светили. Никто Стенькина не подгонял, голова целая, без бинтов, и шел он с оглядкой, опасаясь преследования. А под мышкой держал свернутую в рулон форму Варшавина, тускло блеснула звездочка на погонах.

— Вот сволочь! — выругался Глеб.

— Заходи кто хочешь, бери что хочешь!

— Вот-вот!

Варшавин взял чистый стакан, бросил в него лед, плеснул виски, подал Родиону.

— Да пошел ты!

Сразу надо было предлагать. Он бы отказался, но молча.

— А ведь это ты, Фомин, Стенькина этого ко мне отправил! — неожиданно заявил Варшавин.

— А Леон твой на берегу был, когда Стенькин уходил? — спросил Родион.

— На берегу.

— И камер там нет.

— Думаешь, Леон мог перехватить Стенькина?.. Другого предположения я от тебя и не ожидал.

— Кто-то ударил Стенькина. И очень крепко ударил.

— Леон точно не мог... Он бы сказал...

— Стенькин скажет. Память вернется, и он скажет.

— Я за твоим Стенькиным не выходил, — кивком указав на экран телевизора, сказал Варшавин. — С меня взятки гладки. Проваливай, Фомин, утомил ты меня!..

Увы, но Родион пропустил мяч в свои ворота. Если Стенькина ударил Леон, то с него и надо спрашивать. А если вдруг бил Варшавин, то ему ничего не будет. Ну, продержат его пару суток в изоляторе, и на этом дело против него закончится. Папочка в лепешку разобьется, но вытащит своего отпрыска из любого дерьма, еще и Родиона крайним сделает.

— Да я-то пойду. А ты уплывай. Плохие здесь места для таких водоплавающих, как ты. Вчера Стенькин попал, а завтра ты пропадешь.

— Это угроза?

— Уплывай! — поворачиваясь к Варшавину спиной, сказал Родион.

— Не трогал я твоего Стенькина! — донесся вслед Фомину голос Глеба.

— Уплывай, пока не поздно.

Родион кивком указал в сторону Москвы. Все нехорошие истории в этих степях начинались с мелочей. В случае с Тумановым сначала погибла его собака. И убили ее киллеры, которые прибыли по душу Туманова. В девяностых годах дружок Туманова расстрелял невесту на свадьбе, метил в ее отца, а потом в дочь. Отец поклялся отомстить, он нашел Туманова, дождался, когда Майя пойдет под венец, тогда на дело и вышли киллеры. Хорошо, Родион вовремя подоспел.

А в следующий раз помогать пришлось самому себе. Тогда киллеры прибыли по душу самого Родиона. Началось все с провокации. Нанятые Варшавиным спецы ударили Гуляева палкой по голове. Родион стал искать преступников и угодил в ловушку. Но ничего, выкрутился и даже получил признание, уличающее Варшавина в провокации против Гуляева. Родион прижал подлеца, но раздавить его не смог. Пошел с ним на сговор, Варшавин пообещал оставить их с Лерой в покое, но и месяца не прошло, как он снова путается под ногами. И неизвестно, какая пакость у него на уме.

— Я могу забрать этого Стенькина в Москву! — крикнул вдогонку Варшавин.

Но Родион даже не остановился. Не хотел он, чтобы Варшавин ехал в больницу, виделся там с

Лерой, говорил с ней. Но в то же время и отговаривать его не собирался. Если со Стенькиным произойдет нечто страшное, вина ляжет на Леру, а она и без того привлекалась к ответственности за врачебную ошибку. И ведь это Варшавин тогда раздул из мухи слона.

Глава 2

Заканчивается лето, дни все короче, ночи все холоднее, а завтра уже осень. Завтра первый день нового учебного года, Майя отправится в свой колледж — молодая, красивая, но в статусе замужней женщины.

Майя вздохнула, взяла полотенце, спустилась к своему квадроциклу.

— Ты куда? — звонко спросил в спину жены Семен.

— Да прокачусь, — не оборачиваясь, буркнула девушка.

Не любила она своего мужа, но уже привыкла к нему. Не слюбилось еще, но уже стерпелось. Не так уж и страшно с ним идти по жизни. Вернее, стоять: детей рожать, по дому хлопотать, быт устраивать — какое ж это движение вперед? Семья, может, и не болото, но засасывает.

— Купаться?

— А что, нельзя?

— Илья уже давно в воду сходил, а ты все бегаешь.

Майя и не знала, когда празднуется Ильин день, но сама природа подсказывала, что в августе. Не принято после этой даты ходить на реку, но за июнь—июль так накупаешься, что и не хочется больше. Да и не тянуло ее в августе на реку, а на днях вдруг захотелось.

— А это уже точно в последний раз. Все, закончились каникулы.

— Знаю, куда тебя в последний раз несет. На белую яхту!

Майя резко развернулась к мужу, сначала выстрелила в него взглядом, затем посмотрела насмешливо. Среднего роста он у нее, худой, чахлый, соплей перешибить можно. И трусливый. Когда на свадьбе стреляли, он в штаны навалил. Отец Майю от пули закрыл, а муж даже с места не сдвинулся, хорошо хоть за спину не спрятался.

Не любила она Семена. Парни в станице дрались из-за нее, то одни схлестнутся, то другие. Женихи проходу не давали, а досталась она Семену, который ни разу за нее не пострадал. Родители так решили, и точка. Она-то, конечно, сопротивлялась. И первое время не воспринимала Семена как мужа. Но потом семейная жизнь как-то наладилась. И выяснилось, что Семен и не трус вовсе. В бандитов стрелял, которые хотели убить

Фомина. Страшно ему тогда было, но он стрелял и бандитов отогнал.

— Давай в дом, мать зовет, — сказал Семен, кивком указав на дверь.

— Моя мать зовет тебя! — Майя развернулась к мужу спиной и рванула к воротам.

Квадроцикл она решила не брать, его ведь заводить нужно, надо ждать, пока ворота откроются. И все это время Семен будет действовать на нервы. А так выскочила в калитку, только ее и видели.

А белая яхта действительно существовала. И даже с принцем. И он очень даже интересный мужчина. С гнильцой, правда, но внешне очень даже ничего — высокий, статный, порода в нем за версту чувствуется. А яхта какая! Хотелось бы побывать на борту. Просто побывать.

Майя выскочила за ворота и увидела подъезжающий к дому старенький внедорожник. У Фомина яхты нет и быть не может. Зато какой мужчина! Майя полюбила его с первого взгляда. И сейчас сердце в груди вдруг заколотилось. Не думала она о Родионе, не томилась мыслями о нем, а вот увидела, и вспыхнул огонь в груди. Кровь горячей стала. Только вот кончики пальцев почему-то похолодели.

Видела Майя жену Фомина. На первый взгляд ничего особенного, ну стройная, ну красивая. Но присмотришься — увидишь в ней изюминку. Это

ведь за его женой прибыл принц на яхте. Война у Фомина с богатым полковником из Москвы, Варшавин со свету его чуть не сжил. Но Валерия не променяла Родиона на яхту, и Майя понимала почему. Фомин реально красавчик — и внешне отлично смотрится, и внутри у него стальной стержень, и хочется опереться на сильное плечо Родиона. Чернявый, синеглазый, в белозубой улыбке столько обаяния, что смотреть на него страшно.

— Далеко собралась? — глядя на полотенце, спросил Фомин.

Роста он выше среднего, вроде бы худощавый, но сколько же в нем силы. Майя своими глазами видела, как он дрался с человеком-исполином. Тот сжал его сзади мертвой хваткой, но Фомин умудрился пальцами надавить ему на глаза. Родион и сам бы тогда выкрутился, но Майя пришла ему на помощь, выстрелила в исполина, который собирался убить ее на свадьбе. Тогда же она выстрелила и в Фомина. Она-то думала, что из-за него погиб ее отец.

Отец, к счастью, выжил, его даже из больницы уже выписали. Но постельный режим не совсем еще отменили. И мама за ним ухаживает, и Майя ей помогает. Мама звала ее, может, с отцом что-то случилось, а она — бегом к принцу. Нехорошо она поступила, нехорошо.

— А с каких пор это тебя интересует?

Майя кивнула, глядя на Родиона. К черту принца, к черту Фомина, домой надо возвращаться. Муж у нее там, а она шляется как последняя...

— С тех пор, как Стенькин в больницу попал.

— В больницу? Когда?

— Вчера. — Фомин смотрел на девушку внимательно, пытливо, как будто в чем-то подозревал.

— Вчера?

Майя усмехнулась. А ведь жизнь действительно остановилась. До станицы рукой подать, а она даже не знает, чем там люди живут. Не доходят до них слухи, дом на отшибе, вокруг информационный вакуум. Что же дальше будет?

— Не знаешь?

— А с чего это я должна знать? — возмущенно спросила Майя, но при этом посмотрела на Родиона с чувством, близким к благодарности. Если Славка в больнице, значит, случилось что-то из ряда вон. И Фомин имел полное право на ее личное время. И не шашни он с ней крутит, а допрос ведет. Так что Майя могла находиться с ним на законных основаниях, и пусть Семен попробует что сказать.

— Позавчера тоже купаться ходила? — спросил Фомин.

— Ну, ходила...

— Яхту видела. Даже разговаривала.

— С яхтой? — усмехнулась Майя.

— С яхтой, — кивнул Фомин, совершенно серьезно глядя на девушку.

— Ну разговаривала, — кивнула Майя. Пристань у них на берегу длинная, а она стояла на самом краю, яхта смогла подойти к ней совсем близко.

— А кто-то помешал вам говорить.

— С яхтой?

— Славка помешал?

— Я его не звала, — мотнула головой Майя.

Не так давно, злая на мужа, она ушла от него в ночь, спустилась к реке, разделась, вошла в воду, и вдруг появился Славка. Ничего у них не было, но Семен застал супругу и Стенькина вместе и с топором бросился на Славку. И Фомин в курсе.

— Его не звали, а он пришел.

— Один пришел, другой приплыл... Третий мозг выносит. Достали вы меня!

Точно так Майя тогда и психанула. С одной стороны, Варшавин, с другой — Стенькин, а она стоит как дура. Майя послала их обоих и ушла. А сейчас уходить почему-то не хотелось. Да и нельзя, Фомин же не просто так здесь.

— Насколько я знаю, Стенькин набросился на Варшавина. Что он ему говорил?

— Послал его на три буквы... Придуток пьяный!

— Пьяный?

— Да, перегаром от него несло... А трезвый он бы ко мне и не пришел. Трезвый он все понимает.

— Что понимает?

— А то, что нет у нас ничего и быть не может, — ничуть в том не сомневаясь, сказала Майя.

В этот момент и появился Семен. Он угрюмо, исподлобья посмотрел на Фомина, и правая рука у него была напряжена и опущена вниз, как если бы он держал в ней тяжелый топор.

— Ну и что здесь за посиделки? — сердито спросил он.

— Ревнуешь? — поинтересовался Фомин, внимательно глядя на Семена.

— Не ваше дело.

— А к Стенькину ревнуешь?

— К Стенькину? — Семен зло глянул на Майю.

— В больнице он сейчас. С черепно-мозговой травмой. Кто-то ударил его по голове.

— Кто ударил? — нахмурился Семен.

— Где ты был вчера... в ночь с двадцать девятого на тридцатое августа?

— А где он был? Нахлестался пива и спать лег, — усмехнулась Майя.

На самом деле Семен выпил всего пару банок, чисто после бани. Зато за ужином съел целого быка, он же такой обжора, легче убить, чем прокормить. Вот он нажрался и завалился спать. А Майя будить его не стала.

— А вы где были? — официально, на «вы», обратился к девушке Фомин.

— В ночь?

— В ночь.

— На метле летала.

— Так и запишем.

— А зачем вы про Стенькина спрашиваете? Думаете, что я его пристукнула?

— Пристукнуть Стенькина мог ваш муж. Но если вы утверждаете, что Семен всю ночь спал и никуда из дома не выходил...

— Не выходил!.. — кивнул Семен, с подозрением глядя на Майю. — А с чего это я мог Стенькина пристукнуть? Ты что, снова с ним путаешься?

— Да не путалась я с ним. И не путаюсь. И вообще!..

— Что вообще?

Так Майе хотелось послать Семена подальше, но нельзя унижать его на глазах у постороннего. Даже если Фомин не совсем посторонний. Или даже совсем не посторонний.

— А сам Стенькин что говорит? — махнув рукой на мужа, спросила она.

— Амнезия у него. — Фомин смотрел так, будто читал ее мысли.

И ведь не поверит ей, если она соврет. Но не врала она: и сама Стенькина не трогала, и Семен за топор не хватался.

— В смысле, ничего не помнит?

— И сказать ничего не может.

— Но кто-то же его ударил.

— В том-то и дело.

— Может, из пацанов кто?.. Дубок мог, — пожала плечами Майя.

— Почему Дубок?

— Потому что голова дубовая... Не знаю я, кто мог. Я в станицу только за хлебом езжу.

— Ты за хлебом, а женихи за тобой! — съязвил Семен.

И снова Майя сдержала гневный порыв. Зыркнула на него, но матом не послала.

— И ничего ты с этим не поделаешь, — сказал Фомин, с грустной насмешкой глянув на Семена. — Паранджу ты на жену не наденешь, а она девушка красивая, мужчины оборачиваются. И даже пристают... Но тебе повезло, парень, твоя жена знает себе цену. И даже очень знатных женихов отфутболивает.

— Кого это? — ершисто спросил Семен.

— Да вот ходит... плавает у нас тут один на яхте.

— Та-ак! — Семен поднял руки, как будто собирался упереть их в бока, но тут же опустил их: он же не баба, чтобы подбочениваться.

— На самом деле Майя ему не нужна. Но воду он вокруг нее мутит.

— И что?

— А ничего. От больных нужно держаться подальше. Создай, как говорится, социальную дистанцию.

— Не понял?

— Жену дома держи, а за хлебом и сам съездить можешь. Ладно, поеду я.

Фомин явно не хотел уезжать. Не договорил он, о чем-то не спросил. Должен был, но не решился выспрашивать о ее женихах при муже. А ведь были женихи, и один из них не давал ей проходу.

— Я знаю этого больного, — сказала Майя. — С яхты.

Фомин остановился, снова повернулся к ней:

— И Стенькин его знает. Сказал, что ноги ему повывергивает.

— А больной что?

— Сказал, что утопит его. Как щенка.

— На этом и разошлись?

— На этом и разошлись... — кивнула Майя. — А потом сошлись. Возможно... Он же не один там был, с ним бугай здоровый. Такой если по голове ударит... Может, он Славке память отшиб?

— Разберемся.

— А Семен не мог... — Майя окинула мужа пренебрежительным взглядом. — Не из тех он!

Фомин посмотрел на Семена и кивнул, будто соглашаясь с девушкой. Кивнул, попрощался и уехал.

— А чего это я не мог? — сжимая кулаки, спросил Семен.

— Кишка тонка! — язвительно улыбнулась Майя.

— Кишка тонка?!

— И кишка, и все остальное.

— А у Славки твоего какая кишка?

Майя с трудом отказала себе в удовольствии вывести мужа из себя. До точки кипения его довела, пора и честь знать.

— Сема, а иди-ка ты домой!

— Иди?!

— Или я тебе сейчас такого наговорю... Оба потом жалеть будем.

Семен понял, что Майя сдерживает себя, и решил последовать ее совету.

— Оба?

— Не было у меня ничего ни с кем. Ни со Славкой, ни с Фоминым. И Варшавин этот мне и даром не нужен.

— Варшавин?

— Принц на белом коне!

— Ты уже и с ним познакомилась?

— Сема!.. Этот жук на свадьбе у нас был, если ты не помнишь! С Фоминым приехал. И сейчас он за Фоминым приехал. За его женой. А я ему триста лет не нужна... Ну все, иди!.. А я пойду. — Майя устало махнула рукой в сторону реки.

— Куда?

— Искупаюсь — и назад... Нет там никакой яхты. — Она снова повела рукой — на всю видимую длину.

А дом у них, считай, на холме, слева река до горизонта, справа — до самой излучины. Слева

теплоход, справа баржа с углем, лодка какая-то, а яхты нигде не видно. Да не нужна она Майе. Ей на самом деле очень хотелось искупаться в реке.

Яхта так и не появилась, зато подъехал сам Варшавин на своем дорогом внедорожнике. Он задорно улыбался, глядя на Майю, нравилась она ему, и это чувствовалось. Но в его взгляде угадывалось и другое. Мужчина, казалось, не очень хорошо понимал, зачем он здесь. Ему бы в Ниццу на своей яхте, а он здесь, в степной глуши. Может, и не нужна ему ни Майя, ни Валерия, может, он лишь время на них от нечего делать тратит. Майя и не пыталась разгадать его мысли, просто подумала о нем как о сумасшедшем. А так это или нет, ей все равно.

— Опять вы, — вздохнула она, не зная, что делать: оставаться на месте или бежать домой.

Нехороший он человек, только снаружи привлекательный, а в глубине души у него темное коварство, и это чувствовалось. Но в то же время такие мужчины на дороге не валяются. Молодой, точно не старше Фомина, видный, интересный и, что немаловажно, богатый мужчина. И вроде как холостой. И он уже успел сообщить об этом, и обручальное кольцо на пальце не отсвечивало.

— Можно на «ты»!

— Ну нет, — качнула головой Майя.

С Фоминым она перешла на «ты» с первой минуты общения. Потому что не побоялась быть втя-

нutoй в его орбиту. Более того, она очень хотела подпасть под его влияние. А Варшавин ее пугал.

— А ты попробуй.

— Ой, я, кажется, утюг оставила включенным! — Майя повернулась к Варшавину спиной.

Уж лучше она в бане искупается, бассейн в ней есть небольшой, но ей хватит. А ночью она извинится перед мужем за недостойное поведение. Он, может, и не красавец, зато свой, а когда-нибудь и родным станет. А яхта у нее своя когда-нибудь будет. У них с мужем на двоих земли почти три тысячи гектаров, а пшеница сейчас второе золото. И в этом году взяли рекордный урожай, и в прошлом продали с хорошей прибылью. Лет через десять, глядишь, гектаров сто зерном засеют, а это миллионы, и не рублей. Все у них будет, надо лишь захотеть. А у Семена большие планы на будущее.

— Стоять! — скомандовал Варшавин.

— А что такое? — возмущенно глянула на него Майя.

Возле машины стоял знакомый бугай, но не станет же охранник бросаться на нее с кулаками. Да и Фомин, возможно, где-то рядом.

— Полковник юстиции Варшавин, Главное управление Следственного комитета!

— И что?

— Кто такой Вячеслав Стенькин?

— Не помню, — усмехнулась Майя.

— Как это не помнишь?

— Ну, он же не помнит, и я не помню, — отшутилась девушка.

— Он вспомнит.

— Так я не против!

— А ты знаешь, что с ним?

— Знаю... Фомин приезжал, спрашивал... — Майя заставила себя замолчать. Варшавину совсем не обязательно знать об их с Родионом разговоре.

— Кто мог его ударить, спрашивал?

— Ну да.

— Возможно, твой муж.

— Моего мужа можно оставить в покое.

— Муж обьелся груш? — усмехнулся Варшавин.

Майя вдруг поняла, что его взгляд прикован к круглому вырезу сарафана на ее груди. Вот сволочь!..

— Оставь моего мужа в покое!

— Ну вот, уже и на «ты» перешли, — улыбнулся Варшавин, нехотя отрывая взгляд от ее груди.

— И не трогал мой муж Стенькина... Да, кстати, я сама сейчас съезжу и скажу ему!

Ехать Майя не собиралась, но ей нужен был повод сбежать от Варшавина с его липким взглядом.

— Могу подвезти.

— Да я сама уж как-нибудь.

— В Москву?

— Почему в Москву?

— Я отправил Стенькина в Москву, сегодня утром ему сделали операцию. Гематома головного мозга у него... А Фомин не говорил?

— Нет. — Майя сначала сказала, а потом уже подумала. Может, и не надо было отвечать Варшавину. Ясно же, что спросил он с каким-то подвохом.

— Ну правильно, это же я Стенькина спас... И его жену, — едва слышно добавил Варшавин.

— У Стенькина нет жены.

— У Фомина есть. Врач приемного отделения. А ты знаешь, что такое неправильный диагноз для врача?

— Догадываюсь.

— Ну да ладно...

— Не говорил мне ничего Фомин, — сказала Майя, с вызовом глядя на Варшавина.

— Ну да, скромность помешала, — усмехнулся тот.

— И все равно Фомин лучше!

— Чем кто?

— Чем все! — Майя снова повернулась к дому и пошла.

— Вы так и не ответили на мой вопрос, гражданка Туманова! — Голос Варшавина прозвучал резко, как щелчок бича.

Майя остановилась. Он ведь действительно полковник Следственного комитета, лицо, можно сказать, официальное. Девушка повернулась к

нему с кислым выражением лица. «Ну что еще?» — говорил ее взгляд.

Варшавин заставлял себя улыбаться, стараясь казаться добрым, но от испытываемого им внутри гнева глаза полковника сузились. Не смог заинтересовать он Майю как мужчина, не хватает ему обаяния, это его и злило. И Леру он удержать не мог, и с какой-то там провинциалкой из медвежьей глуши не справляется. Обидно.

— Кто такой Стенькин? Кто он для тебя?

— В одной школе учились.

— Ты с ним купаешься? — с ехидцей спросил Варшавин.

— Что, простите?

— С мужем спишь, с любовником купаешься.

— Нет у меня любовника! — Майя хищно сузила глаза. — И не будет!..

— Так я же видел тебя на пристани рядом со Стенькиным.

— А я в гробу тебя видела!

— Очень вежливо!

— Это не вежливость, это воспитание.

— Даже так?

— А ты не знаешь, что такое воспитание? Так я объясню! Это когда хочешь послать кого-то на хрен, посылаешь его лесом!.. Ну чего стоишь? Ска-тертью по морде!.. — Майя махнула рукой, словно отгоняла от себя надоевшего Варшавина.

— Ты нарочно меня злишь? — отбросив политесы, сверкнул взглядом Варшавин.

— А если достал?

— Я ведь знаю, чем твой отец раньше занимался.

— Что?! — похолодела Майя.

Ну да, ошибся отец в молодости, не той дорогой пошел. Но Фомин выяснил, не убивал отец никого на той злосчастной свадьбе, когда погибла дочь крутого авторитета. Должен был, но не смог заставить себя выстрелить.

— Ничего. — Варшавин смотрел на нее напряженно, с демонической улыбкой.

Он вел себя так, словно ставил в зависимость от него. А ведь он действительно мог испортить жизнь ее отцу. Влезет в его прошлое, найдет или придумает что-то криминальное, возбудит уголовное дело, а это тюрьма... Фомин предупреждал, что Варшавин очень опасный человек.

— Не надо трогать моего отца.

— Не надо мне дерзить, девочка моя.

— Извините, — выдавила Майя.

— Плохо тебя отец воспитывал, не знаешь ты, что такое вежливость и воспитанность. Но мы его наказывать не будем. Пусть живет себе спокойно, да? — коварно усмехнулся Варшавин.

— Пусть живет, — кивнула Майя, замороженно глядя на него.

— Значит, нет у тебя любовника?

— Нет.

— И твой муж тебя к Стенькину не ревновал?

— Нет.

— А к Фомину?

— При чем здесь Фомин?

— Фомин всегда при чем, — сказал сквозь зубы Варшавин. — Фомин ведь тоже мог пристукнуть Стенькина.

— Фомин мог увести у вас девушку, — не удержалась и съязвила Мая.

Варшавин ничего не ответил, но его лицо потемнело от гнева.

— Это было не так уж и трудно, — с едкой ухмылкой продолжала Мая. — И я могу сказать почему.

Не тот он мужчина, который нужен женщинам, и Мая готова была сказать ему это в лицо.

— Убирайся! — сквозь зубы процедил Варшавин.

— Пойду подумаю над своим воспитанием, — кивнула она, поворачиваясь к полковнику спиной. И уже на бегу бросила: — А вы подумайте над своим поведением!..

Варшавин, конечно, козел, но ведь он вполне мог стать человеком. Надо всего лишь поработать над своим характером, очистить в себе от грязи все лучшее, светлое, доброе. Но пусть он сам работает над собой, а от Майи держится подальше.

Глава 3

Один дом из красного кирпича, другой из белого. Один дом пустовал, в другом жила семья: старушка лет восьмидесяти, ее дочь и внучка. Старушка ничего подозрительного не видела, дочь только что вернулась из рейса: работала проводником на поездах дальнего следования. Подозрительную активность в районе своего дома в ночь с двадцать девятого на тридцатое могла наблюдать только внучка, но вчера вечером Родион застать ее не смог. Ольга Микешина тоже работала на железной дороге, диспетчером, вчера она дежурила в ночь, сегодня сменилась, и наконец-то Фомин мог с ней поговорить.

— Да, я видела позавчера человека. Туда прошел. — Женщина махнула рукой в сторону реки, затем повела обратно. — Потом назад. И снова туда.

Женщина еще молодая, может быть, лет тридцать, может, чуть больше, но уже баба. В смысле, девушкой ее точно не назовешь. Не то чтобы располнела, нет, худенькая, но не стройная. Плечи опущены, как будто жизнью придавлены. И одета кое-как. Ни малейшего желания выглядеть лучше — даже в присутствии мужчины.

— В форме был?

Китель Родион нашел еще вчера, действительно валялся в кустах.

— Не знаю. Раньше у нас ночью фонарь горел, а сейчас темно, я в сельэнерго звонила, сказали в администрацию обращаться... Темно было. Да и забор у нас, деревья, а за калитку я не выходила. Ну ходят и ходят. Может, совсем разные люди.

— Но вы же подумали, что один человек?

— Ну подумала...

— Человек этот в фуражке был?

Забор вокруг дома не настолько высокий, чтобы закрыть человека с головой. И сквозь деревья мог просматриваться силуэт человека в фуражке.

— Да нет, не видела...

— Значит, проходил человек?

— Пешком. Вас же ночь интересует.

— Ночь. И кто пешком шел, и кто на машине ехал... Может, на мотоцикле кто-то проезжал.

Фомин имел в виду квадроцикл, на котором Майя могла отправиться к Варшавину. Во всяком случае, Стенькин мог решить, что у Майи тайный роман с Глебом. Может, он потому и нарядился в краденую форму, чтобы поймать ее с поличным. Выйти к ней при параде, чтобы она приняла его за Варшавина, перегородить путь и посмотреть за реакцией. Вдруг Майя бросится ему на шею... Посещала Родиона такая мысль.

— Да нет, никто не проезжал. Если только на лошади.

— На лошади?